

И. А Банникова

УДК 82 (091)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗАГЛАВИЯ, НАЧАЛА И КОНЦОВКИ КАК ОСОБЫХ КОМПОНЕНТОВ ТЕКСТА (К ВОПРОСУ О СИЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ У А. П. ЧЕХОВА)

Реферат. В статье анализируются заглавия, начала и концовки чеховских произведений 90-х годов. Исследование позволило установить преобладание нейтральных заглавий, усиливающих по контрасту эффект выразительного начала. Выдвижение на первый план “начала с середины” усиливает его экспрессивность. Концовки рассказов писателя очень часто связаны – через систему повторов – с началом и/или с заглавием, либо контрастируют с ним.

Ключевые слова: заглавие, начало, “начало с середины”, концовка, сильная позиция, слабая позиция, система повторов.

Чехов создал совершенно новые
для всего мира формы произведения,
подобных которым я не встречал нигде.

Л. Н. Толстой

Как известно, совершенно нового не бывает, бывает хорошо забытое старое, либо новые сочетания уже известных элементов. Именно из этого мы и будем исходить в дальнейшем изложении нашей темы.

В качестве элементов сильной позиции рассматривают обязательные для прозаического произведения заглавие, начало и концовка (для поэтического – иногда только начало и конец) и факультативные – эпиграф, пролог и эпилог. Считают возможным добавить к этому перечню и подпись автора, она варьируется.

Различным элементам сильной позиции посвящены многочисленные работы: о заглавиях – И. К. Харченко, В. М. *гинского, И. Р. Гальперина, Т. А. Чекеновой, В. И. Муренко, начальных строках – А. К. Соловьевой, о концовках – Б., эпиграфах – А. Г. Храмченкова.¹ Существует множество интересных высказываний о заглавиях, началах и концовках в работах, посвященных общим вопросам стилистики, поэтики, теории литературы, начиная с «Поэтики» Аристотеля.

Интерес к исследованию сильной позиции закономерен ибо проблемы, связанные с ее оформлением в разных и у разных писателей, не могут считаться достаточно освещенными на сегодняшний день.

В данной статье остановимся на особенностях оформления сильной позиции в жанре рассказа. Форма рассказа достаточно емка и в то же время лаконична: расстояние между началом и концовкой относительно невелико, что позволяет сохранить в памяти связь между ними. Прежде, чем изложить результаты анализа, необходимо сказать следующее.

1. Включение любых типов сильной позиции в систему выдвижения не представляется убедительной, так как выдвижение предполагает выбор, а заглавие, начало и концовка – неотъемлемые части текста. Исходя из этого, не справедливее ли считать выдвижением только такие элементы сильной позиции, которые не укладываются в общепринятые схемы, ну, например, заглавие, которое ничего не сообщает о тексте, начало, которое не подготавливает к развитию действия, концовка, которая не ставит точки. Такой взгляд на выдвижение как нельзя более подходит к рассказам Чехова.

2. В работах И. В. Арнольд² сильная позиция рассматривается наравне с другими типами выдвижения. Не точнее ли было бы определить выдвижение как иерархию, в которой сильная позиция занимает более высокую ступень, по сравнению, например, с повторами, контрастами, конвергенцией, ибо заглавия очень часто бывают связаны с системой выдвижения в тексте и базируются на ней.

Начало и концовка значимы уже по своему расположению. Интерпретация их в процессе обучения вдумчивому чтению на занятиях по стилистике и аналитическому чтению вряд ли может быть переоценена. В самом деле, начало – отправная точка читательского восприятия, оно подготавливает

читателя к тому, что будет дальше, настраивает его. Начало позволяет также строить прогнозы относительно как смысла текста, так и его формы. Концовка же подводит итог читательским прогнозам и либо подтверждает их, либо опровергает.

В ряде работ Б. А. Ларина, В. Б. Шкловского, Н. М. Фортунатова, А. П. Чудакова и др. неоднократно отмечается интерес Чехова к оформлению заглавий, начал и концовок его рассказов. Существуют многочисленные высказывания критиков – современников Чехова о том, что многие его рассказы («Мужики», «Бабье царство», «Дама с собачкой», «Три года», «Учитель словесности» и др.) не имеют ни начала, ни концовки. А сам Чехов об одном из своих прекрасно отделанных рассказов, «Соседи», говорил, что это какая-то “облезлая середка”, без начала и концовки³.

В. Б. Шкловским приводится высказывание о том, что Чехов предлагал, написав начало, отбрасывать его. Известно и сожаление Чехова по поводу того, что он не мог, как его друг Исаак Левитан, подвешивать вверх ногами свое произведение, чтобы исчез смысл, но осталось общее впечатление о гармоничности или негармоничности мазков краски.

Для анализа были выбраны рассказы, написанные в 1891-1899 гг. Таких рассказов 47. Из этого числа исключены 5 рассказов, которые по своим особенностям близки к рассказам 80-х гг. А объективным показателем этого мы считали подпись, под которой эти рассказы были впервые опубликованы (т. е. также элемент сильной позиции). Все “серьезные” рассказы подписывались настоящей фамилией автора, а пять “несерьезных” – различными псевдонимами: Грач, Кисляев, Человек без селезенки. Исключен и рассказ «В ссылке», который сам автор определил как очерк. Не исключались повести «Палата № 6», «Моя жизнь», «Три года», «Дуэль», «Мужики», «Рассказ неизвестного человека», «Убийство», так как существуют разногласия между автором и критиками в определении их литературной формы. Некоторые произведения, определявшиеся автором как повесть, имели подзаголовок «рассказ А. Чехова».

Начнем с рассмотрения заглавий. Девять рассказов меняли свои заглавия, некоторые даже дважды: «Попрыгунья» сначала назывался «Обыватели», потом – «Великий человек», «Дом с мезонином» назывался «Моя невеста», «Скрип-

ка Ротшильда» – «Гроп для Ольги» (сохраняем орфографию автора – *И. Б.*), «Студент» – «Вечером», «После театра» – «Радость», «У знакомых» – «Крик», «Рассказ неизвестного человека» – «В 80-е годы» и «Рассказ моего пациента», «Учитель словесности» – «Обыватели», «Воры» – «Черти»; «Жена» – «В деревне». Причем изменение заглавия редко было связано с коренным изменением содержания и, как видим, новые заглавия редко были ярче, выразительнее прежних.

В. Б. Катаев в статье «Финал «Невесты»» определяет названия рассказов Чехова как либо пародийные, либо подчеркнута нейтральные.⁴ В самом деле, разве не нейтральные «Случай из практики», «По делам службы»; «У знакомых», «После театра», «Рассказ неизвестного человека», «В усадьбе», «Три года», «На подводе», «В родном углу», «Новая дача», «Дом с мезонином»? Они не несут, или почти не несут информации о персонажах, событиях, конфликтах, а лишь приблизительно очерчивают либо время, либо действия, либо обстоятельства, условия, при которых эти действия протекали. Эта нейтральность, несомненно, не была случайна. Она придавала рассказам видимость очерковой достоверности, что контрастировало с драматическим характером описываемых событий. Автор не стремился заинтриговать читателей заглавием, перенося в таких случаях основной вес на начало и / или концовку произведения.

Но если Чехов хотел привлечь читателей заглавием, то делал это мастерски. Великолепны, незабываемы и неподражаемы его «Попрыгунья», «Душечка», «Дама с собачкой», «Анна на шее», «Черный монах», «Володя большой и Володя маленький», «Печенег», «Ионыч», «Человек в футляре» и «Крыжовник».

Незабываемый и неподражаемый характер чеховских заглавий, даже довольно нейтральных на первый взгляд, основывается на мастерски организованной системе стилистического контекста, наиболее характерными типами выдвижения, к которым можно отнести повторы, контрасты, нарушения предсказуемости, в некоторых случаях – конвергенцию, т. е. схождение в одной точке нескольких стилистических приемов. Упрек критиков относительно отсутствия начал и концовок объясняется тем, что чеховские начала нетипичны. В очень редких случаях начало дает настоящую экспозицию, как, например, в рассказах «Страх», «Черный монах» или «Скрипка Ротшильда»⁵.

“Городок был маленький, хуже деревни, и жили в нем почти одни только старики, которые умирали так редко, что даже досадно. В больницу же и в тюремный замок гробов требовалось очень мало. Одним словом, дела были скверные. Если бы Яков Иванов был гробовщиком в губернском городе, то наверное, он имел бы собственный дом и звали бы его Яковом Матвеичем; здесь же в городишке звали его просто Яковом, уличное прозвище у него было почему-то – Бронза, а жил он бедно; как простой мужик, в небольшой старой избе, где была одна только комната, и в этой комнате помещались он, Марта, печь, двухспальная кровать, гробы, верстак и все хозяйство” [«Скрипка Ротшильда», т. 8, с. 297].

Таких начал, однако, меньше всего. Очень часто первый абзац (первые 3 абзаца) рисуют обстановку, пейзаж и т. п., в которых совершались события или велся рассказ о них (см. «Три года», «Убийство», «Ионыч», «Человек в футляре», «О любви», «Крыжовник»).

Очень часто Чехов использует и так называемое “начало с середины”, вводя читателя в гущу событий. Это можно сравнить с живописью или кино: сначала – крупный план, затем писатель как бы отодвигает изображение от нас, давая общий план, чтобы мы уловили особенности композиции, соотношение в ней различных частей, ритм живописных образов.

Управляющий сказал мне: «Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели». Я ему ответил: “Вы слишком льстите мне, ваше превосходительство, полагая, что я умею летать”. И потом я слышал, как он сказал: “Уберите этого господина, он портит мне нервы”». [«Моя жизнь», т. 9, с. 192].

В некоторых случаях этот эффект достигается введением прямой речи, в некоторых – описанием какого-то важного события в жизни персонажа. То же, что может считаться собственно началом, или экспозицией, отодвинуто от графического начала на 2-3 абзаца, тем не менее, автор без него обходится.

На свадьбе у Ольги Ивановны были все ее друзья и добрые знакомые.

– Посмотрите на него: не правда ли, в нем что-то есть? – говорила она своим друзьям, кивая на мужа и как бы желая объяснить, почему это она выш-

ла за простого, очень обыкновенного и ничем не замечательного человека. [«Попрыгунья», т. 8, с. 7].

Вот этот прием и создает остранение и компенсирует нейтральность заглавия. Именно такие начала более экспрессивны, чем обычные начала – экспозиция. Непривычность такого начала для современников Чехова очевидна по их критическим замечаниям.

Другой характерной чертой чеховских начал является их субъективность, т. е. явная отнесенность к рассказчику или говорящему персонажу. В некоторых случаях она мотивируется самим заглавием («Рассказ неизвестного человека», «Рассказ старшего садовника»), в других – подзаголовком: «Дом с мезонином» имеет подзаголовок «Рассказ художника», «Моя жизнь» – «Рассказ провинциала», «Страх» – «Рассказ моего приятеля». Иногда впечатление субъективности создается благодаря употреблению в начале рассказа прямой речи персонажа («Володя большой и Володя маленький»). Но есть и более тонкое проявление субъективности: слова, которые обычно употребляются только в прямой речи, будучи введены в косвенную, создают эффект присутствия рассказчика, не только описывающего события, но и выражающего свое к ним отношение. Так, в описании флигеля в рассказе «Палата № 6» появляется эмоциональное словечко “окаянный” (отметим также употребление местоимений “вы” и “мы” в начале этого и других рассказов), эмоционально насыщено и вступление к рассказу «Скрипка Ротшильда» (“досадно”, “скверные” и т. д.).

Эту особенность чеховских начал именно в рассказах данного периода нельзя не связать с драматургичностью всего творчества Чехова, о чем свидетельствует и его умение выбрать и обыграть детали и использовать их в системе лексических и семантических повторов. Таков “чудесный” зонтик в повести «Три года», таков жестяной стук, по которому рабочие фабрикантши Ляликовой узнают время в рассказе «Случай из практики», к р ы ж о в н и к в одноименном рассказе, ф у т л я р в рассказе «Человек в футляре». Детали-повторы осуществляют связность текста, придают ему цельность.⁶ Интересны и повторы слов, дающих эмоционально-оценочную характеристику персонажей, и в самом рассказе употребляющихся только в прямой речи (*жаба* – «В усадьбе»; *душечка, печенег* – в од-

ноименных рассказах). Перекликающиеся с заглавием, такие повторы очень экспрессивны. Почти всегда такие слова приобретают дополнительные коннотации, насыщаются иронией.

Рассматривая концовки рассказов Чехова, можно отметить, что исключительно редко концовка эксплицитно переключается с началом в плане содержания, т. е. образует кольцевую структуру с началом или заглавием. Наиболее четко это прослеживается лишь в рассказах «Соседи» и «У знакомых»:

Начало

«Утром пришло письмо: “Милый Миша, Вы нас забыли совсем, приезжайте поскорее, мы хотим Вас видеть. Умоляем Вас обе на коленях, приезжайте сегодня, покажите Ваши ясные очи. Ждем с нетерпением, Та и Ва. Кузьминки 7 июня”.

Концовка

Дома у себя на столе он увидел прежде всего записку, которую получил вчера. “Милый Миша, – прочел он, – вы нас забыли совсем, приезжайте поскорее...”. И почему-то ему вспомнилось, как Надежда кружилась в танце, как раздувалось ее платье и видны были ноги в чулках телесного цвета. А минут через 10 он уже сидел за столом и работал, уже не думал о Кузьминках». [«У знакомых», т. 10, с. 7].

В большинстве же случаев типичная концовка, т. е. конец-развязка дается за 3-4 абзаца до конца графического, либо если рассказ поделен на главки, то в конце предпоследней главки. Остальной же текст выполняет функцию эпилога. И тем не менее, скрытая кольцевая структура, основанная на семантических или тематических повторах, может быть обнаружена при внимательном анализе. Так, в рассказе «Дама с собачкой» автор на протяжении двух начальных абзацев варьирует заглавное словосочетание, называя героиню “дамой... с белым шпцем” (четырёхкратный повтор), подчеркивая анонимность Анны Сергеевны для Гурова. Постепенно она приобретает имя (1-я глава), затем – фамилию “фон Дидерица” (2-я глава), в 3-ей главе она для него уже “Анна”, но еще “вы”, а в 4-ой – она уже “ты”, “моя хорошая”, они любят друга “как очень близкие люди, как муж и жена”. Этот контраст в системе наименования героини в начале и концовке рассказа придает ему цельность и законченность.

Такую же цельность, основанную на тематическом сходстве начала и концовки или их противопоставлении, на-

ходим мы в других рассказах. Есть подобные кольцевые повторы внутри главок, составляющих рассказы. Есть и драматургические концовки, т. е. концовки с прямой речью (см. «Попрыгунья», «Дом с мезонином», «Супруга», «В усадьбе»). Такие концовки перекликаются с началом интонационно, что позволило некоторым исследователям сравнивать чеховские рассказы с музыкальными произведениями.⁷

Таким образом, анализ заглавий, начал и концовок чеховских рассказов 90-х годов позволяет установить следующие особенности оформления сильной позиции у этого автора:

1. Преобладание нейтральных заглавий, что усиливает по контрасту эффект выразительного начала.

2. Экспрессивность начал, которая создается необычным расположением экспозиции, выдвижением на первый план так называемого начала с середины. Экспрессивность начала усиливается и введением субъективного момента, позволяющего эмоционально акцентировать изображаемые события. Этой же цели служат эмоционально окрашенные слова, личные местоимения, введение прямой речи.

3. Концовки рассказов, которые некогда принято было считать открытыми, фактически очень часто связаны через систему повторов с началом и/или заглавием, либо контрастируют с ним.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1 См. библиографию к статье: Банникова И. А. От интерпретации заглавия – к интерпретации текста // Вопросы романо-германского языкознания. – Саратов, 1983.

2 См., например: Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. – Л., 1975; Ее же. Значение сильной позиции для интерпретации текста // ИЯШ. 1978. № 4.

3 Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М., 1977. и примечания к тт. 7, 8, 9, 10.

4 Катаев В. Б. Финал «Невесты». // Чехов и его время. – М., 1977.

5 Здесь и далее примеры цитируются по: Чехов А. П. Полное собрание... Указ. изд.

6 Добин Е. Деталь у Чехова как стержень композиции // Вопросы литературы. 1979, № 8.

7 Фортунатов Н. М. Музыка прозы // Чехов и его время. – М., 1977; Его же. Ритм художественной прозы // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. М., 1974.

Баннікова І. А.

**ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ЗАГОЛОВКУ, ПОЧАТКУ ТА КІНЦІВКИ
ЯК ОСОБЛИВИХ КОМПОНЕНТІВ ТЕКСТУ (ДО
ПИТАННЯ ПРО СИЛЬНУ ПОЗИЦІЮ У А. П. ЧЕХОВА)**

Проаналізовано заголовки, початки та кінцівки чеховських творів 90-х років XIX ст. Виявлено перевагу нейтральних заголовків, які за контрастом підсилюють вплив виразного початку. Висування на перший план “початку з середини” підсилює його експресивність. Кінцівки оповідань письменника крізь систему повторів пов’язані або контрастують з початком або заголовком твору. (Філологічні дослідження: Чеховський збірник, вип. 12, 2014 (2012), с. 15-23).

Ключові слова: заголовок, кінцівка, початок, “початок з середини”, сильна позиція, система повторів, слаба позиція.

Bannikova I. A.

**INTERPRETATION OF THE TITLE, THE BEGINNING AND
THE ENDING AS SPECIAL TEXT COMPONENTS (TO THE
PROBLEM OF “STRONG POSITION” IN CHEKHOV’S
WORKS OF ART)**

The titles, the beginnings and the endings of Chekhov’s works of art of the 90th have been analyzed in this article. The research indicates that neutral titles prevail over other and enhance the effect of an expressive beginning. Highlighting of “the beginning from the middle” makes it more expressive. The endings of writer’s stories are often contrasted with the title and connected with it and/or with the beginning by the system of repeats. (Philological researches: Collection of articles dedicated to Chekhov’s works of art, ed. 12, 2014 (2012), p. 15-23).

Keywords: “the beginning from the middle”, endings, the beginning, the title, “strong position”, system of repeats, “weak position”.